

УДК 81'37

СОХРАНЕНИЕ ЭМОТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕЛЯТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И МЕЖДОМЕТИЙ

Яковлева Е.В.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, e-mail: evgeniyaviktorovnst@yandex.ru*

В данном исследовании анализируются специфические возможности сохранения эмотивного содержания в рамках художественного текста. Широкие возможности для реализации эмотивного компонента открывает использование междометных единиц и релятивных конструкций как в речи персонажей, так и в авторских пассажах. При перекодировании эмоций в процессе выбора языковых и невербальных средств переводящего языка, передаваемых как текстовыми, так и дискурсивными средствами, показатели перекодирования с помощью языковых средств более адекватны по сравнению с эмоциями, переданными только в сфере рефлексивной реальности, в плане импликационной оценки. Доминантным в определении условий и принципов появления и использования вариативных, контекстуальных междометных и релятивных единиц в процессе перевода с английского языка на русский язык является учет категориальных признаков эмоционально-волеизъявительного действия продуцента текста оригинала.

Ключевые слова: эмотивный текст, междометие, релятивная конструкция, междометия эмоционального состояния, междометия эмоциональной оценки, междометия интеллективно-эмоциональной оценки

MAINTENANCE OF EMOTIVE DOMINANT WITHIN INTERJECTIONS' AND RELATIVE CONSTRUCTIONS' TRANSLATION

Yakovleva E.V.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, e-mail: evgeniyaviktorovnst@yandex.ru

This research analyzes specific means of emotive content transference in the framework of fiction texts. Wide opportunities for emotive component realization are opened by usage of interjections and relative constructions in characters' speech as well as in author's paragraphs. While conversion emotions during the process of choosing linguistic and non-verbal means of translating language which are transferred by both textual and discursive means, rates of conversion made with the help of linguistic means are more adequate in comparison with emotions which are transferred only in reflective reality (in respect of implication rate). Account of categorial features of author's emotive-volitive action is predominant in determination of criteria and principles of appearance and usage of variable contextual interjections during translation into Russian.

Keywords: emotive text, interjection, relative construction, emotive state interjections, emotive rate interjections, intellectual-emotive rate interjections

Акцент в данной статье сделан на эмотивных текстах и их эмотивной доминанте, вербализованной в коррелирующих языках посредством междометных единиц и релятивов. Произведения, основанные на разноаспектном представлении эмотивной ситуации, бесспорно, созданы для того, чтобы реципиент сопереживал душевному состоянию персонажей. «Вы не станете утверждать, что ощущаете одну лишь соль во вкусе медового леденца. Даже если вы обладатель высокой культуры и считаете, что превосходно владеете своими эмоциями» [8, 133]. Стереотипизация эмотивной составляющей в текстах художественной литературы, с одной стороны, облегчает восприятие эмоционального компонента, а с другой, ставит переводчика перед выбором и создает определенные препятствия в процессе передачи этноспецифического лингвокультурного кода, так как «массовая коммуникация... перехватывает и «обобщает», т.е. обезличивает, различные эмоци-

ональные состояния – страстную любовь, глубочайшую тоску, исступленную ярость, безумную одержимость, отчаянную панику, радостное жизнелюбие и мертвящее оцепенение. Все это превращается в эмоциональные трафареты» [3, 36].

Эмоциональная доминанта, репрезентируемая совокупностью эмоциональных переживаний, кристаллизуется исходным текстом, она имманентна интерпретативному переводу эмотивных текстов, находящихся в фокусе нашего исследовательского внимания. Материалом для нашего анализа послужил репрезентативный в эмотивном отношении текст романа Вирджинии Вулф «Mrs. Dalloway». Жанровая специфика является образцом текстопорождения и придает конформность жанровому канону и различным текстовым формам. Жанровые каноны предполагают наличие явных или неявных конвенций, которые существуют в рефлексивной реальности продуцента и реципиента интерпретатора текстов [4, 15]. В ходе

перевода данные конвенции, имманентно присущие в схемах действования, в большинстве случаев реализуются, т.е. переводчик-интерпретатор исходного текста вынужденно принимает и признает, что его прогностические ожидания в отношении текста эмотивного характера оправдываются в результате рецепции и трансформации в переводящем языке.

Эмотивная доминанта вербализуется как в тексте оригинала, так и в тексте перевода в текстовых универсалиях, а также в стилевой организации сравниваемых текстов оригинала и перевода. Эмотивность – интегральный признак исходного текста, который репрезентирует в целевом тексте. Коммуникативность эмоционального характера представляется центральным качеством текста, а эмотивность как некая частная категория находит свое место в пределах общего коммуникативного содержания произведения и представляет общую прагматическую доминанту в процессе перевода эмотивного текста.

В отечественной лингвистике, в рамках смены парадигмы, происходило становление нового антропоцентрически ориентированного направления – лингвистики эмоций (В.И. Шаховский, В.Г. Гак, В.И. Болотов, В.А. Маслова). В эмотивном тексте отмечалось наличие в его формальной организации в пределах одного или нескольких предложений, передающих «наряду с фактуальной и эмоциональную информацию (или одну только её), как минимум одного эмотивного средства, лингвистического или паралингвистического, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно создаваемую всеми коммуникантами в данной ситуации» [7, 60].

Амфиболичность формальных составляющих вербализации эмотивности лежит в основе различных толкований её природы, при этом экстралингвистические компоненты проявляют заметную тенденцию к имплицитности (возможности репрезентации общего настроения в общей канве произведения) по сравнению с эксплицитными лингвистическими средствами. С одной точки зрения, эмотивность исходного текста сводится к набору категорий, функционирующих в рамках текста, с другой – эмотивность выражается непонятно и её проявления следует рассматривать как трансформационно-неустойчивые, переменчивые явления, внеязыковые по своей природе, передаваемые в процессе перевода не всегда в эксплицитной форме, а подразумеваются при использовании, в частности, различных лингвокультурно обусловленных видов междометий и релятивных конструкций.

Все сигнификативное пространство исходного анализируемого эмотивного текста представляет собой проявление авторской субъективности: от языковой репрезентации чувственной стороны до выбора и манеры изображения языкового знака в рамках пунктуационного оформления. Данная субъективность является фактором, маркирующим процессы коммуникации как внутри исходного текста, так и в сфере выбора языковых средств вербализации эмоционального компонента в целевом тексте переводящего языка. «В данном случае при интерпретации невозможно довольствоваться лишь горизонтальным контекстом и ноэмагической рефлексией» [1, 169]. Значение «конкретного элемента существует лишь при наличии других элементов системы (общего структурированного ряда)» [1, 167]. В духе понятия «удовольствие от текста» П. Лефевр предлагает рассматривать сенсуальное прочтение и интерпретацию некоторых видов текста (*lecture sensuelle*), при котором акцент общения переносится на общение реципиента-интерпретатора (и переводчика в нашем случае) с формальным компонентом оформления эмотивного контекста: пунктуацией, динамикой смены ситуаций, способом повествования. «Чувства и эмоции читателя вовлечены в динамический процесс изучения формы. Состояние духа читателя (на момент интерпретации), его верования, ценности, привычки и ожидания определяют процесс такого восприятия. Невозможно описать интерпретируемое таким образом произведение в строго научных терминах» [9, 5].

Одним из важных вопросов является проблема перекодирования эмотивной информации, заложенной в разных компонентах в языковых и невербальных средствах текста оригинала: в пунктуации, лексическом компоненте, композиционном и архитектурном. При перекодировании эмоций в процессе выбора языковых и невербальных средств переводящего языка (как текстовых, так и дискурсивных) показатели перекодирования с помощью языковых средств более адекватны по сравнению с эмоциями, переданными только в сфере рефлексивной реальности, в плане импликационной оценки. Целью анализа способов сохранения прагматической эмотивной доминанты, проводимого по методу свободной интерпретации эмотивной информации, является проверка гипотезы об эмотивной нагрузке компонентов подобного рода текстов и выявление особенностей перекодирования эмоций, переданных как языковыми, так и невербальными, композиционными и архитектурными средствами [5, 97].

Основными предпосылками максимально полного герменевтического понимания смысла как функционально-прагматического поля того или иного междометия в его вариантном (актуальном) значении в определенном контексте являются: описание формальной сущности и структуры семантики междометного или релятивного комплекса, применение психолингвистических приемов анализа различных типов эмоционально-волеизъявительного действия продуцента в речетворческом процессе, учет концептуально-валерной системы как продуцента, так и реципиента, использование единообразного метаязыка формального описания междометий и релятивов, определение типологии междометий, применение методов компаративистики в анализе перевода при дефиниции взаимоотношений в сфере семантики релятивных и междометных единиц в английском и русском языках с целью выявления эквивалентов в сравниваемых текстах, поиск аналогов и адекватных замен вербализаторов исходного эмотивного контекста средствами переводящего языка.

Доминантным в определении условий и принципов появления и использования вариативных, контекстуальных междометных и релятивных единиц в процессе перевода с английского языка на русский является учет категориальных признаков эмоционально-волеизъявительного действия продуцента текста оригинала, которое проявляется в общей канве текста (позитивной или же негативной, активной или пассивной позицией), и состояния концептуально-валерной системы продуцента и реципиента-переводчика как основной причины данных действий. Вследствие этого переводчик-интерпретатор необходимо приходит к детальному анализу эмотивной ситуации в рамках текстовой реальности с учетом условий её возникновения и вербализации в вертикальном контексте лингвокультуры и горизонтальном контексте речевого акта. Множество афферентных сем – наводимых, контекстуальных, импликационных (выводных), связанных с интерпретантой интеръективного знака в каждом конкретном употреблении, а значит и влияние данного факта на особенности перевода данной группы слов, трудно переоценить: порождение нового, значимого для конкретной ситуации знака вокального жеста является основной задачей переводчика эмотивного текста [6, 260].

Потенция данных языковых единиц реализовывать эмоционально-оценочное или апеллятивно-побудительное содержание психических процессов продуцента текста

в отдельно взятой эмотивной речевой ситуации проявляется в вариантных смыслах речевых единиц, при этом в системе языка генерализованный образ эмоции сохраняется тождественным самому себе (инвариант образует как бы фон проявления актуального смысла). Существуют фонетико-морфологические и структурно-семантические вариации междометных и релятивных единиц, в этом аспекте предельным вариантом может выступать синонимия рассматриваемых единиц, например: *Hallo!, Halloa!, Halloo!, Hello!, Hey!, Heigh!, Hegh!, Heh!, Hey-hey!, Ahey!* и др. В результате подобного варьирования в тексте оригинала сохраняется некий генерализованный образ эмоционально-оценочного или апеллятивно-побудительного содержания, в данном случае часто не происходит варьирования в формальной структуре переводящего языка, а выбирается наиболее частотный и принятый в целевой лингвокультуре вариант, например: *Hem!, Hum!, H'm!, Mm...!, Humph* etc. – узуальные варианты в тексте перевода имеет формы Ну! или Хм!.

«...of would-be geniuses, and intimated with a little toss of the head, with a *sniff-Humph!* – the value of moderation; of some slight training in the classics in order to appreciate Milton. [10, 146] – ...уверенных в собственной гениальности, – и легким подергиванием головы, хмыканием – хм! – он намекал на пользу умеренности; кое-каких познаний в области классики для понимания Мильтона» [2, 150].

«Kissing Sally in the smoking-room! *If it had been some Honourable Edith or Lady Violet, Hem!*; but not that ragamuffin Sally without a penny to her name, and a father or a mother gambling at Monte Carlo. [10, 60] – Целовать Салли в курительной! Хью! Ну, будь это какая-нибудь сиятельная особа – куда бы ни шло; но не оборванку же Салли без гроша за душой, у которой не то отец, не то мать продувается в Монте-Карло» [2, 63].

Приведенные выше примеры, несмотря на вариативность английской репрезентации интеллектуального хезитатора, представлены в русском переводе единообразно по причине того, что некоторые эмоции не всегда четко распознаются как выраженные не только лексически в форме междометий и релятивных конструкций, но и общей канвой повествования, а также композиционно-речевыми формами. Однако существует и другая сторона подобного явления – вариативность формальной репрезентации средствами переводящего языка при инвариантной вербализации эмотивной сферы в тексте оригинала. Например: «*Oh look*», *she implored him. But what was there to look*

at? *A few sheep* [10, 20]. – Погляди же! – молила она. Но на что тут было смотреть? Только овцы одни [2, 22].

В данном примере реализуется апеллятивно-побудительная функция вариативно-первичного местоимения *Oh* в структуре семантического оформления, данное местоимение имеет компонент внезапности, который находится на периферии инвариантного значения, что, однако, в тексте оригинала актуализируется и находит свое выражение в контекстуальном переводном эквиваленте, сохраняющем интеллектуально-апеллятивный компонент посредством введения усилительной частицы же.

«*Oh Lucy*», she said, «*the silver does look nice!*»

«*Oh, they had to go before the end!*» she said. «*They had to be back at ten!*» she said [10, 29].

– А, Люси! – сказала она. – Как чудесно блестит серебро!

– О, тем-то пришлось до конца уйти, – сказала она, – им уже к десяти надо было обратно! – сказала она [2, 31].

В приведенных выше контекстах актуализируются фатическая функция с целью привлечь внимание и когезийная функция в сочетании с анафорической в рамках диалогического единства, которые в тексте оригинала вербализуются одной единицей *Oh*, в тексте перевода сохранение данных прагматических функций обеспечивается с помощью различных первичных междометий А и О, формально не имеющих в русском языке в структуре своей семантики обертонов исходной семантики, но приобретающих их в контекстуальном оформлении целостного текста.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в случае с другим первичным местоимением *Ah*: «*Ah, the news from India!*» she cried. [10, 90] – Ах, эти вести из Индии! – вскричала она. [2, 92] *Ah dear, she remembered – it was Wednesday in Brook Street.* [10, 91] – Господи, да ведь она же на Брук-стрит, *сегодня среда* [2, 93].

Необходимой представляется дифференциация частных окказиональных случаев инвариантного оформления омонимичных разнофункциональных эмоционально-оценочных и апеллятивно-побудительных значений, например, таких, как *Come!*, *There!*, *I say!*, включающих варианты-омонимы разнофункциональной значимости. Так, в релятиве с размытой лексической семантикой *Come!* будет преобладать эмоционально-оценочная коннотация неодобрения речевых действий сокоммуниканта, при актуализации апеллятивно-императивной функции этот же релятив выражает

побуждение рецептора к изменению состояния или совершению некоего действия, при актуализации апеллятивно-модального содержания наблюдается каузация и напутственно-ободрительная коннотация. В переводном тексте эти значения передаются только различными формальными релятивами: Да, ладно! – первое значение, Ну, же! – второе значение, Давай, давай! – третье значение.

«*Dear!*» said *Clarissa, and Lucy shared as she meant her to her disappointment (but not the pang); felt the concord between them; took the hint; thought how the gentry love; gilded her own future with calm...* [10, 24] – Ах так! – сказала Кларисса, и Люси, кажется, разделила ее разочарование (но не муку); ощутила их сродство; поняла намек; подумала про то, как они любят, эти господа; решила, что сама она ни за что не будет страдать... [2, 26].

В вышеозначенном контексте наблюдается реализация эмоционально-оценочной функции, а именно проясняемые в дальнейшем контексте эмоции разочарования и раздражения, прагматика которых сохраняется посредством контекстуального окказионального соответствия Ах так!.

В следующем примере использование узуального эквивалента Господи позволило сохранить апеллятивно-императивную семантику с негативной оценкой: *Oh dear, it was going to be a failure; a complete failure...* [10, 148] – Господи, *ничего не получится; полный провал...* [2, 152].

Сопоставительный анализ набора эмоционально-оценочных компонентов определяет границы семантики и позволяет вычлнить структурно-семантические группы по характеру передаваемых эмоций и модальных реакций – «возбужденное» эмоциональное состояние, оценочное и «интеллективно-оценочное». Междометия эмоционального состояния зависят от структуры эмоционального поведения в той или иной мотивной ситуации. Междометные и релятивные конструкции группы эмоционально-оценочного отношения продуцента к предмету высказывания в обоих сравниваемых языках выражают генерализованную оценку фактов и явлений объективной и рефлексивной реальности, а также реакцию субъекта речи на события в рамках отрицательной или положительной коннотации.

Грация репрезентации генерализованной эмоции в междометиях этой группы теснейшим образом связана с факторами адресанта и местом оцениваемого объекта в когнитивно-валерной системе. Смысловое содержание проявляется в зависимости от актуализации в речетворческом акте опосредованной эмотивности или эмотивности

прямой как проявления объекта оценки как основы информационной доминанты.

Междометия интеллективно-эмоциональной группы репрезентируют модально-логическую оценку в форме эмоционально-экспрессивных образов, которые представлены переосмысленными узуальными и контекстуальными окказиональными междометиями и релятивами с эмотивной перегруженностью; генерализованные волюнтаривно-итоговые информанты служат базой для этой группы как в английском, так и в русском языках.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Трансляционные возможности символа и языковой игры: интерпретативное смыслопорождение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 6. – С. 167–170.
2. Вульф В. Миссис Дэллоуэй. – СПб.: Лениздат, Команда А, 2012. – 224 с.
3. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. – М.: Флинта, 2003. – 168 с.
4. Гуревич П.С. Разрушительное в человеке как тайна // Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 2004. – С. 3-15.
5. Козлов Е.В. Коммуникативность комикса в текстуальном и семиотическом аспектах. – М.: Наука, 1999. – 368 с.
6. Серебрякова С.В. Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории отрицания в рассказах Юдит Гермман // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – № 3(42). – 2014. – С. 259–263.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
8. Eco U. De Superman au Surhomme. – P.: Grasset, 1993. – 217 p.
9. Lefèvre P. Vers une théorie de la B.D. // L'Image B.D. – Louvain, Van Evenstraat (Belgique): Open Ogen, 1991. – P. 5–9.

10. Woolf V. Mrs. Dalloway. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2002 г. – P. 216.

References

1. Bredikhin S.N. Translyatsionnye vozmozhnosti simvola i yazykovoy igry: interpretativnoe smyslopорождение // Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta. 2013. no. 6. pp. 167–170.
2. Vulf, V. Missis Dellouey. SPb.: Lenizdat, Komanda A, 2012. 224 p.
3. Gurevich V.V. Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka. Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov: Uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2003. 168 p.
4. Gurevich P.S. Razrushitel'noe v cheloveke kak tayna // Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. M.: Respublika, 2004. pp. 3–15.
5. Kozlov E.V. Kommunikativnost komiksa v tekstualnom i semioticheskom aspektakh. M.: Nauka, 1999. 368 p.
6. Serebryakova S.V. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti realizatsii kategorii otritsaniya v rasskazakh Yudit Germann // Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta. no. 3(42). 2014. pp. 259–263.
7. Shakhovskiy V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: Monografiya. M.: Gnozis, 2008. 416 p.
8. Eco U. De Superman au Surhomme. P.: Grasset, 1993. 217 p.
9. Lefèvre P. Vers une théorie de la B.D. // L'Image B.D. Louvain, Van Evenstraat (Belgique): Open Ogen, 1991. 5–9 p.
10. Woolf V. Mrs. Dalloway. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2002 г. pp. 216.

Рецензенты:

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор кафедры связей с общественностью, ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь;

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 10.03.2015.